

не усомнится, что случись *теперь* в стране гораздо более богатой, чем тогдашняя Франция, такое же сочетание обстоятельств (неурожай, миллионы нищих и война на *всех* границах, сухопутных и морских), максимальная такса на припасы явится такой же неизбежной необходимостью, какой она явилась во Франции.

Зная из документов, в каком положении была Франция в те годы и до какого ужасного положения дошла Англия к концу наполеоновских войн; зная, с другой стороны, как даже такая богатая страна, как современная Англия, живет даже теперь, так сказать, изо дня в день, не имея в запасе больше, чем на три месяца хлеба для своих жителей, и на *шесть недель сырья для своих фабрик*; кроме того, видя недавно, как во время такой сравнительно небольшой войны, как Бурская война, спекуляция подняла цены на все предметы первой и второй необходимости (съестные припасы, уголь, *кожи* и т. д.), - зная это, вполне понимаешь, почему закон о максимальных ценах на жизненные продукты был признан необходимым, несмотря на протесты жаждавшей наживы буржуазии.

Но, говоря о максимуме, я указал еще нечто другое; а именно, что, подобно всякой другой полицейской мере, такса на хлеб, мясо и т. д. вовсе не разрешала вопроса о том, как жить городам, чем кормиться бедному городскому населению. И когда это стало ясно в 1793 г., когда обнаружилось бессилие таксации продуктов, тогда у более смелых, не буржуазных революционеров стала вырабатываться новая мысль - о *национализации обмена, об обобществлении национальной торговли всем тем, что не представляет* (в данное время) *предметов роскоши*. А из этой мысли родилась другая мысль, коммунистического характера, - мысль, что предметом спекулятивной торговли может быть только *излишек*, а отнюдь не то, что необходимо для жизни всех граждан данной страны.

Этот факт потому очень важен, что всякий, кто вдумается в происхождение социалистических теорий XIX в. и ознакомится с *действительной* - не легендарной - историей их зарождения и развития, тот неизбежно сам увидит родовую преемственность между социалистическими теориями 30-х и 40-х годов и воззрениями, высказанными более крайними революционерами в 1793 и 1794 гг.

Брайтон

июнь 1914.

